След на земле

Фадей Егорович ЕЛАНЦЕВ – это имя хорошо помнят старожилы района, и не только те, кто был знаком с этим человеком лично. Яркий след оставил на этой земле кочевой учитель, фронтовой разведчик, вся жизнь которого может служить примером для подрастающих поколений. О нём написал стихотворение «Кочевой учитель» наш земляк – поэт Георгий Германович Поротов, сумевший вложить в него максимальное количество биографических сведений, рассказывающих о его непростой судьбе.

Недавно разбирая архивы отца, дочь Георгия Германовича Любовь Георгиевна нашла интересные записи, которыми поделилась с нами. Одна из них – машинописный текст радиорассказа «Один из первых» (авторы Г. Поротов и В. Гусев, сотрудники Камчатского областного дома народного творчества, 1967 год), а вторая – отрывок из радиопередачи «Фронтовая землянка» (примерно 1972 год). И обе находки имеют прямое отношение к Фадею Егоровичу.

«… Окончен четвёртый класс. Последний класс в Мильковской церковно-приходской школе. Трём лучшим ученикам – Толману, Бобряковой да ему – Еланцеву Фадею – дали направление ехать дальше учиться.

Первых двух родители не отпускают: «Страшно детей отпускать, потеряются где-нибудь. Ну их с этой учёбой. Дома полно работы». А его, Фадея, никто не держит. Одна у него сестра Антонина. Отчаянная она… Говорит братишке: «Жалко расставаться, да тёмными-то хватит нам быть. Верное это дело. Поезжай… Смелым будь». И только выпал первый снег собачья упряжка умчала Фадея из родного села на долгие годы.

25 июня 1930 года было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении». Для развёртывания всеобуча на Севере предстояли большие трудности: требовались помещения, приспособленные под школы, но их, как правило, не было, особенно в тундре, где нет леса. Не было также кадров, владеющих северными языками. Из педагогических училищ Севера в тундру выехали первые выпускники-учителя. В Камчатскую область для обучения детей оленеводов был направлен молодой учитель, комсомолец Фадей Еланцев. Начал он работать в кочевой школе на Чукотке, в верховьях реки Анадырь. Вот что он рассказывает об этой школе:

«Кочевая школа представляла обыкновенный чум. Так как она работала в весенние, летние и частично в осенние месяцы до наступления холодов, то чум был покрыт не шкурами, а тонкой парусиной. Окон в чуме не было: свет проникал через парусину. Пол был земляной, как обычно в чуме. Посредине – место для огня. В апреле и в мае, когда ещё стояла холодная погода, постоянно поддерживали огонь. За огневищем следили ребята, в зависимости от того, кто был свободен. Во время занятий ребята сидели на оленьих шкурах. Парт, конечно, не было, их заменяли фанерные доски, на которых дети писали…»

Школа, в которой работал учитель Фадей Егорович, называлась кочевой, потому что открыта она была на месте кочевий. Как только подходили осенние месяцы и наступали холода – школа свёртывалась.

Трудно представить себе поистине героическую работу, которую выносили на своих плечах учителя этих кочующих школ. Иногда под влиянием кулаков, шаманов школа не принималась в стойбищах, и учитель вынужден был преодолевать сотни километров по безмолвной тундре. Не было учебников на местных языках. Знание языка, а также быт кочевников познавались непосредственно из самой жизни.

Фадей Егорович задавал детям уроки, одновременно брал задание и себе. Ребятам очень нравилось то, что он с каждым днём всё лучше и лучше говорит на их родном языке. И вот, наконец, урок на чукотском языке. Дети смеются: «Помнишь, как ты плохо раньше нам рассказывал?»

Радостно было молодому учителю слышать эти слова, видеть плоды своего труда, видеть, как дети жадно тянутся к знаниям, и не только сами приобщаются к культуре, но и несут её в яранги, чумы.

И всё больше и больше убеждался Фадей Егорович, что не напрасно он стал учителем. На его глазах росла и мужала советская Камчатка. Радостно сознавать молодому учителю, сыну Камчатки, что он не в стороне от её преобразований, принесённых Октябрём…

1941 год. Тень фашистских полчищ легла на священные земли Великого Октября. Отечество в опасности. И человек самой мирной, гуманной профессии – Учитель – взял в руки оружие, чтобы защищать Родину, не дать врагу потушить улыбки и смех детей.

И он воевал, шёл боевыми путями: дрался на Висле, добивал врага в Берлине. Славен его путь: два ордена Славы, орден Красной звезды, орден Отечественной войны, две медали «За отвагу», медали за взятие Варшавы, Берлина, за Победу над Германией украшают грудь Фадея Еланцева.

Покончили с войной. Там, на чужбине, в германском городе Ораниенбурге в одну из осенних ночей звуки русской гармошки разбудили память о прошлом. Вспомнились родное село Мильково, певучая гармонь Олимпия Пинигина, вспомнилась старшая сестра Антонина. Первая колхозница. Коммунистка. Всё это вспомнилось и потянуло на Родину…

Летит письмо-стихотворение сестре:

Моя родная, этой ночью
синеватой,
Когда косые тени на стене,
Должно быть, думаешь о брате,
Что служит в дальней стороне…

Первый послевоенный год. Сентябрь. Сколько радостных событий в Мильково: возвращаются домой фронтовики, богатый урожай получили колхозники, проводится первый районный смотр художественной самодеятельности.

В районном клубе народу расположным-полно. После выступления коллектива Мильковского клуба всем становится ясно: никто его не победит. Слаженный хор, большой танцевальный коллектив, и музыканты есть, вот они: Ушаков, баянисты братья Бобряковы, фронтовики Прошак, Андриенко… И зачем их первыми выпустили? Один за другим сменяются коллективы художественной самодеятельности, последними ведущий программы объявляет хор колхоза «Безбожник». В зале удивление: «Никогда у них хора не было…»

Открывается занавес – полукругом, во всю ширину и длину сцены стоят колхозники, много пожилых. Рядом с отцом, поблёскивая орденами и медалями, стоит Виктор Михайлов, около него – фронтовой друг Костя Решетников, а в левой стороне, среди теноров, замер по стойке смирно Фадей Еланцев. Из-за кулис вышел дирижёр Бобряков Анастасий. По залу проплыл шмелём звук камертона. Лёгкий взмах руки и из глубины сцены в зал поплыло всё нарастающее пение колоколов, на фоне которого зазвучала любимая песня Владимира Ильича Ленина «Вечерний звон». Зал замер. Казалось что-то близкое, родное наполняет сердца присутствующих…

Первое место присуждается хору колхоза «Безбожник»! Организатор его – Фадей Еланцев.

После демобилизации опять тесная связь с народом. Еланцев работал избачём. Избач в то время был большая сила на селе. Он вёл многогранную культурно-просветительную и политико-массовую работу. Вскоре Фадей Егорович избирается депутатом и много лет трудится в сельском Совете. В 1967 году переходит на культурно-просветительскую работу.

В уютном, небольшом помещении размещена библиотека в посёлке имени Лазо, где в настоящее время работает Фадей Егорович. Как и в прежние годы, он опять несёт культуру в народ. Одинаково тепло и внимательно встречает он юных читателей и читателей, убелённых сединой. Старикам он выбирает интересную книгу, детям советует что читать… Дети напоминают ему его первые шаги и встречи в холодных, неуютных кочевых школах. И он трогательно рассказывает своим маленьким друзьям о том, что ушло в прошлое навсегда. Яркие рассказы о Великой Отечественной войне, о подвиге народа укрепляют в юных сердцах любовь к Великой Родине Октября».

1967 год – год 50-летия Октябрьской революции и, наверное, именно поэтому основной упор в рассказе о Фадее Егоровиче сделан авторами именно на завоеваниях Октября. А вот передача из цикла «Фронтовая землянка», выходившего на протяжении ряда лет на камчатском областном радио, более подробно говорит именно о фронтовом пути Еланцева.

«Мы обещали наведаться в гости к мильковчанам. Почему мы выбрали этот район? Да хотя бы потому, что отсюда пришло больше всего писем. А когда приехали, узнали ещё один существенный факт: Мильковский район – один из самых боевых на Камчатке. Отсюда на фронт ушёл целый батальон. Если вспомнить, сколько людей проживало здесь до войны, то вы согласитесь,– это не мало…

Встреч было много – тёплых, задушевных, грустных. Почти все эти встречи проходили на одной улице – Партизанской. С этой улицы начиналось село. Эта улица тридцать с лишним лет назад провожала парней в солдаты. И каждого из них она запомнила, обозначив родную усадьбу красной звездой. Вот эти звёздочки и стали надёжными ориентирами выездной редакции «Фронтовой землянки»…

…В фронтовую действительность Фадей Егорович вжился просто. Она не вызвала у него, как у многих других, коренной ломки жизненного уклада. Не изменила привычек, не лишила его того тёплого комфорта, без которого тяжело страдает на войне бывший городской житель. Он и войну-то воспринял как продолжение той охоты, которую вёл на дикого зверя в дремучей мильковской тайге. Только зверь был иной – более хищный, опасный и ненавистный, отмеченный чёрной фашистской свастикой.

Он возненавидел фашизм задолго до начала войны. Эта ненависть возрастала, когда он рассказывал своим ученикам в родном селе о пытках в тюремных застенках немецких антифашистов, о судебном процессе над вождём болгарских коммунистов Георгии Димитрове. И тогда, когда, учась в Ленинграде в институте народов Севера, он встречался с детьми испанских коммунистов, лишённых фашистами Родины… И он знал, что доведись ему встретиться с фашистом в открытом бою, он сумеет свести с ним счёты.

Когда в узкую дверь командирской землянки вошёл, не сгибаясь, с докладом о прибытии в часть ладный, подтянутый сержант с восточным типом лица, командир сразу решил: быть Фадею Егоровичу разведчиком. И не ошибся!

– Как я стал разведчиком? Опыт-то уже был, я ж не молодым парнем пришёл, тридцать лет. Отец-то мой на медведя ходил, учил – всё как положено следить. Это отцовская, как говорится, смекалка. И эту смекалку я на фронте мог применить. Это тоже смекалка: надо знать противника и этим побеждать…

И с того момента началась для Фадея Еланцева большая охота. Три сезона подряд ставил он ловушки по немецким тылам. Насколько удачной была его охота можно судить по наградам.

– Первый раз я награждён был медалью «За отвагу». Дело было с 22 на 23 февраля 43-го года у Витебска. Нашей небольшой группе дано было задание добыть «языка». Было темно, как раз дождь шёл, плохая погода для нас лучше. Я иду первым, тихо перерезаю проволоку заграждений. Вышли к вражескому траншее, там трое было немцев. Двоих мы убрали сразу, как положено, третьего доставили в расположение нашего командования.

Потом было много ещё «языков» и метких выстрелов из снайперской винтовки. Крепко поквитался с фашистами старожил камчатского села Мильково Фадей Егорович Еланцев – кавалер двух орденов Славы, орденов Отечественной войны, Красной Звезды и множества медалей, взявший своего последнего «языка» на немецкой реке Шпрее.

– Ну, мне же только было напасть на след, там я уже пошёл. Иду, по-немецки я немного морокую, говорю. Заметил, там трава, я сразу автомат на готовке: «Хенде хох, руки вверх!» (хохочет заливисто, по-детски). Он поднимается, оказался обер-лейтенант…

Сейчас у Фадея Егоровича глаз не тот, и сила не та, но память по-прежнему крепка. И в этой памяти крепко сидят и первая охота с отцом на медведя, и последний немецкий «язык», взятый в прибрежных зарослях Шпрее…»

Мы не стали ничего менять в текстах, вносить в них правку, сокращать. Пусть будет так, как было, как звучало много лет назад. Чтобы рассказ о Фадее Егоровиче, о его трудном, но славном жизненном пути вновь коснулся душ и сердец мильковчан. Чтобы сегодня, когда нам вновь приходится бороться с нацизмом, который угрожает миру, когда вновь гремят не салюты, а разрывы боевых снарядов и ракет, когда у военкоматов по всей России провожают ребят, уходящих в армию по мобилизации и добровольцами защищать Отечество, сохранялось то самое ощущение преемственности поколений, которое придаёт сил и уверенности всем.

Каждому поколению выпадают свои войны… Мы уверены, что наши земляки – братья, мужья, сыновья – с честью пройдут это испытание. Воспитанные на примерах жизни таких земляков, как Фадей Егорович Еланцев, они не уронят чести и достоинства Защитников Родины, будут верны своему воинскому долгу.

ТАК ПОБЕДИМ!